

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(47)“1824/1847”

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.5

Экономические основы восстания султанов Касымовых 1824—1847 годов в Младшем и Среднем казахских жузах в процессе вхождения в состав Российской империи

Алексей Алексеевич Асеев¹, Сергей Сергеевич Матренин²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, gangut.1911@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1057-9992>

² Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Аннотация. В статье на основе преимущественно архивных материалов и опубликованных документов исследуется вопрос экономической основы восстания султанов Касымовых в период с 1824 по 1847 г. В историографии восстания значительное внимание уделяется его политико-правовым аспектам и лишь косвенно рассматриваются вопросы экономической составляющей. В работе определены экономические источники этого исторического события. Затрагиваются противоречия в отношении восстания в политике оренбургской и западносибирской администраций. Показана налоговая политика в отношении казахского общества со стороны российских властей, Касымовых, Коканда в период цивилизационного взаимодействия и утверждения России в казахских жузах. Делается вывод, что утрата экономических источников поддержки восстания стала одной из причин его поражения.

Ключевые слова: административные реформы, Младший жуз, Средний жуз, Касым Абылайханов, Саржан Касымов, противодействие реформам, восстание Кенесары Касымова, финансирование восстания, налоговая политика, В. А. Перовский, В. А. Обручев, П. Д. Горчаков, взаимодействие цивилизаций.

Для цитирования: Асеев А. А., Матренин С. С. Экономические основы восстания султанов Касымовых 1824—1847 годов в Младшем и Среднем казахских жузах в процессе вхождения в состав Российской империи // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 1 (57). С. 69—87. URL: http://vestospu.ru/archive/2026/articles/57/5_57_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.57.5.

Original article

Economic Foundations of the Sultans Kasymovs' Uprising of 1824—1847 in Junior and Middle Kazakh Zhuzes during Incorporation into the Russian Empire

Alexey A. Aseev¹, Sergey S. Matrenin²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, gangut.1911@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1057-9992>

² Altai State University, Barnaul, Russia, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Abstract. The article, based primarily on archival materials and published documents, examines the economic basis of the Sultans Kasymovs' uprising of 1824—1847. The historiography of the rebellion has focused heavily on its political and legal aspects with only indirect consideration of its economic component. The article identifies the economic sources of the uprising and explores the contradictions regarding the uprising in the policies of the Orenburg and West Siberian administrations. The article examines the tax policy of the Russian authorities, the Kasymovs and the Kokand toward Kazakh society during the period of civilizational interaction and Russia's strengthening in the Kazakh zhuzes. The article concludes that the loss of economic sources of support for the uprising was one of the reasons for its defeat.

Keywords: administrative reforms, Junior Zhuz, Middle Zhuz, Kasym Abylaihanov, Sarzhan Kasymov, opposition to reforms, Kenesary Kasymov uprising, financing of the uprising, tax policy, V. A. Perovsky, V. A. Obruchev, P. D. Gorchakov, interaction of civilizations.

For citation: Aseev A. A., Matrenin S. S. Economic Foundations of the Sultans Kasymovs' Uprising of 1824—1847 in Junior and Middle Kazakh Zhuzes during Incorporation into the Russian Empire. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 1 (57), pp. 69—87. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.57.5>.

Введение

Большинство исторических явлений — войны, восстания, перевороты, географические открытия, экспансия или колонизация — в своем базисе имели как политические, так и экономические причины и основания. За любым крупным, длящимся событием стоят чьи-то экономические интересы, составляющие основу его развития.

Антимодернизационное движение потомков хана Абылая Касыма Абылайханова и его сыновей 1824—1847 гг., в том числе его пик в ходе восстания последнего непризнанного Россией хана Кенесары Касымова в 1837—1847 гг., остается одним из интересных и противоречивых явлений в истории русско-казахских отношений.

Данный вопрос представляется актуальным, так как в российской и зарубежной историографии не уделялось внимания экономическим основам восстания, источникам его подпитки, за счет которых восстание потомков хана Абылая имело большой территориальный размах и продолжительность.

Включение в состав России территорий казахских жузов вызывало к жизни новые, закономерные явления, выразившиеся в самых различных формах — от мирного взаимодействия до вооруженного сопротивления в ходе цивилизационного взаимопроникновения Степи и России.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1824 по 1847 г., что позволяет проследить экономические основы восстания Касымовых на всем его протяжении. Территориальные рамки исследования включают Оренбургскую, Западно-Сибирскую губернии, Младший, Средний, Старший казахские жузы, частично Коканд и земли киргизских манапов.

Первой работой, касающейся этой дискуссионной темы, был рассказ участника военного похода против Кенесары Касымова в 1843—1844 гг. барона Петра Карловича Услара «Четыре месяца в Киргизской степи», опубликованный в 1848 г. в «Отечественных записках» [40]. Воспоминания ярко передают дух эпохи и поднимают множество интересных тем восстания, в том числе и экономическую составляющую движения, раскрывают бытовую, повседневную сторону жизни кочевников. Записки барона представляют ценность, так как он сам находился в плену у Кенесары и оставил интереснейшие наблюдения, в том числе составил подробный словесный портрет самого султана.

Историография восстания имеет большой объем научного нарратива, за исключением изучения его экономической составляющей. Неподдельный интерес к этим событиям проявляли исследователи Российской империи, историки советского периода. Мы не будем останавливаться на характеристике историографии этих периодов и сосредоточим внимание на работах современных казахстанских и российских авторов последних лет. Характеру, целям, ходу восстания, личностям его руководителей на разных исторических этапах давались совершенно полярные оценки, часто зависевшие от политической конъюнктуры.

Современная казахстанская историография оценивает личности и деятельность руководителей восстания исключительно положительно, что объясняется необходимостью создания новой национальной истории Республики Казахстан. К сожалению, в исторических конструкциях части современных казахстанских исследователей использовалась предельно упрощенная бинарная схема «герой — враг», где политика Российской империи рассматривается как «абсолютное зло», колониальная, направленная на разрушение элементов казахской государственности, принесящая гнет, порабощение и разрушение традиционного кочевого уклада. Положительная сторона взаимодействия стала табуированной. Такой откровенно политический подход не может использоваться для всестороннего изучения подобных сложных исторических явлений. Именно цивилизационный подход, учитывающий все особенности развития и взаимодействия народов на конкретно-историческом этапе, позволяет максимально изучить суть явления, не впадая в крайние оценки того или иного события истории.

В современной российской историографии проблематике восстания Касымовых уделяется недостаточно внимания. Можно отметить только несколько работ.

Данной проблеме посвящено диссертационное исследование А. А. Асеева «Политика России в отношении восстания Кенесары Касымова 1837—1847 гг. (региональный аспект)» [2, с. 4—12]. Автор косвенно затрагивает экономические основы восстания и характеризует его как закономерную антимодернизационную реакцию части казахской знати, стремившейся сохранить власть и номинальный протекторат в неизбежно меняющемся раскладе сил.

А. Ш. Кадырбаев оценивает Кенесары как яркую, выдающуюся личность, а его деятельность — как наполненную противоречиями и неоднозначными поступками, имевшими трагический финал. В глазах сторонников Кенесары был законным монархом — ханом, что позволило ему оказывать сопротивление превосходящим силам своих врагов в течение шести лет [19, с. 93]. В аннотации к статье А. Ш. Кадырбаев признает национально-освободительный характер восстания казахов во главе с последним независимым ханом [19, с. 88].

Л. А. Бобров анализирует восстание Касымовых в контексте изучения военной организации казахов в XVIII—XIX веках. Он характеризует непризнанного Россией хана как выдающегося казахского правителя, осуществившего в 40-х гг. XIX века военную реформу, используя опыт кочевой военной организации, элементы военной системы Россий-

ской империи и среднеазиатских государств. Данные шаги, по его мнению, позволили ему эффективно противостоять российским и кокандским войскам [6, с. 59—60].

А. А. Асеев в своей статье рассматривает вопрос о наличии элементов государственности и институте ханской власти в казахских жузах во 2-й половине XVIII — 1-й половине XIX века. Он отмечает, что главные причины их утраты заключались в господствовавших социальных, экономических, политических отношениях в кочевом обществе и нараставшем влиянии России. Главным мотивом борьбы Касымовых было сохранение старого формата русско-казахских отношений, позволявшего наиболее влиятельным чингизидам сохранять политическое могущество, власть и самостоятельность действий [1].

Из трудов современных казахстанских историков, посвященных изучению восстания Касымовых, следует отметить диссертацию Ж. Д. Кусаиновой «Историография национально-освободительного движения под предводительством Кенесары Касымова (1834—1847 гг.)». Автор подчеркивает национально-освободительный характер восстания, направленный против втягивания Казахского края в колониальную систему Российской империи. Личность Кенесары автор именуется национальным героем периода колониальной политики царской России [21, с. 4].

Глубокой проработкой и оригинальностью отличаются работы И. Р. Прохорова. Автор касается характеристик восстания Касыма Абылайханова, Саржана и Кенесары Касымовых, отмечая их масштабность, направленность на создание фактически независимого от России ханства. Достоинством исследований является комплексное рассмотрение данного явления, воссоздание максимально объективной картины происходивших событий. Восстание Кенесары автор характеризует как мятеж. В целом восстание Касымовых вместе с другими (Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова) оценивается как антироссийское движение без характеристики его как национально-освободительного [31, с. 46—47; 32, с. 66; 33, с. 43—44; 34, с. 73—76].

В статье Х. А. Аубакировой показаны истоки восстания Касымовых, в частности Саржана Касымова, автор оценивает последнего исключительно положительно, как героя своего времени. Автор настаивает, что восстание Касымовых на долгое время отсрочило проведение административных реформ в казахских жузах и стало фундаментом для национально-освободительного движения казахского народа во главе с Кенесары Касымовым. Политика России оценивается как колониальный гнет, захватническая, карательная, экспансионистская [3, с. 11].

Аналогичного подхода в оценках восстания придерживаются А. А. Ауменова и И. А. Мухаммадеева, именуя восстание Кенесары войной за независимость и национально-освободительной войной Казахстана. Внедрение «Устава о Сибирских киргизах 1822 г.», на их взгляд, ликвидировало институты власти и государя в Средней орде, усилило колониальную политику и вмешательство царских чиновников во внутренние дела государства. Авторы делают, на наш взгляд, необоснованный вывод, что Кенесары был государем и ему удалось на короткий период восстановить государственность [4, с. 106].

Проблема экономических источников восстания Касыма Абылайханова и его сыновей, за счет которых оно получало ресурсы для продолжения борьбы, до сих пор не стала темой отдельных исследований. В своей статье мы попытались частично восполнить этот пробел, проведя анализ имеющихся источников.

Объектом исследования является процесс цивилизационного взаимодействия казахских жузов и России в ходе их длительного вхождения в состав Российской империи. Предметом исследования являются экономические основы восстания Касыма Абылайханова и его сыновей в 1824—1847 гг.

Цель статьи — показать важность экономической составляющей восстания Касымовых, ослабление и утрата которой стали одной из причин его поражения.

Задача исследования — выделить отдельные экономические источники восстания Касымовых.

Методологическую основу исследования составили цивилизационный, модернизационный, системный подходы и принцип историзма, которые позволили расширить горизонты научного поиска, приблизиться к пониманию событий, причинно-следственных связей прошлого и оценить события изучаемого исторического периода.

Основной источниковой базой исследования явились документы следующих фондов государственных архивов России:

- Канцелярия оренбургского генерал-губернатора (Ф-6), Оренбургская пограничная комиссия, г. Оренбург, Оренбургская губерния (Ф-222) Объединенного государственного архива Оренбургской области;

- Главное управление Западной Сибири (Ф-3), Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска (Ф-67), личный фонд Катанаева Георгия Ефремовича (Ф-366) Исторического архива Омской области;

- Департамент Генерального штаба (Ф-38) Российского государственного военно-исторического архива.

Из материалов, хранящихся теперь в архивах ближнего зарубежья, были привлечены документы Омского областного правления (Ф-338) и Оренбургской Пограничной комиссии и Областного правления оренбургскими казахами (Ф-4) Центрального государственного архива Республики Казахстан.

Из числа опубликованных источников привлекались документы «Сборника материалов для истории завоевания Туркестанского края», подготовленного дореволюционным исследователем-востоковедом, генерал-майором А. Г. Серебренниковым, внесшим серьезный вклад в изучение роли России в казахских землях и во всей Средней Азии [38; 39]; сборник документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы)» [20]; «Устав о сибирских киргизах», опубликованный в документах Полного собрания законов Российской империи [30].

Помимо этого, использовалась литература российских и казахских авторов по данной проблематике.

На основе указанных источников авторы попытались реконструировать события и решить задачу по выявлению экономических основ восстания.

Результаты исследования

Интерес отечественных исследователей к восстанию потомков хана Абылай Касыма Абылайханова и его сыновей, главными лидерами из которых были Саржан и Кенесары Касымовы, возник практически параллельно с самим историческим событием. Из всех выступлений казахской знати, недовольной происходившими цивилизационными изменениями, именно движение Касымовых стало самым продолжительным, многочисленным и масштабным по территориальному размаху и количеству участников. На его примере отчетливо видно, как сторонники традиционного кочевого уклада жизни боролись за его сохранение с неизбежными цивилизационными изменениями, затрагивавшими как все кочевое общество, так и интересы отдельных представителей казахской знати, считавшихся чингизидами.

Сопrotивление новым модернизационным процессам в лице семьи Касымовых требовало мощной экономической базы и материальной поддержки, от которых зависели его масштабы и продолжительность. Количество участников восстания неоднократно менялось на всем его протяжении и требовало постоянного притока продовольствия, во-

оружения, одежды, скота, лошадей, денежных и материальных средств, мест для кочевков, водопоев. Без хорошего материального обеспечения любое восстание обречено на скорое поражение и не может обрести серьезного размаха и большого количества сторонников: людей необходимо кормить, обеспечивать лошадьми, одеждой, оружием.

Следует отметить, что социальный состав казахского общества первой четверти XIX в. был достаточно разнообразен. До вхождения в имперское поле в жузах отсутствовали такие важные признаки государства, как центральная власть и администрация, аппарат принуждения, кодифицированное законодательство, система налогообложения и др. Объединение казахских родов и элементы государственности появлялись для отпора внешним завоевателям — джунгарам, кокандцам. Следует согласиться с мнением В. А. Моисеева, что экономическое развитие кочевого хозяйства обуславливало общественную организацию. Фрагменты государственности в этих условиях возникали эпизодически, при внешней угрозе и сильных ханах, исчезая после их кончины [23, с. 74].

Учреждение новой правовой, судебной, налоговой, хозяйственной систем, административного деления, переход под контроль властей торговых караванных путей ставили точку не только на политическом влиянии многочисленных представителей знати, но и подрывали их экономическую основу. Это не могло не вызвать закономерную реакцию — от письменных протестов до вооруженной борьбы Касымовых и других видных деятелей, начиная от Сырыма Датова в конце XVIII в. и до восстания на полуострове Мангышлак казахов адаевского рода в 1870 г. Подобный протест необходимо рассматривать как неизбежный спутник любого цивилизационного изменения. Все восстания в данном регионе, разные по своим причинам, объединяло одно — они проходили в рамках цивилизационного взаимодействия кочевой цивилизации, имевшей свой, устоявшийся веками уровень общественно-политического и экономического развития, и России как другой цивилизации, содержание элементов которой и их организация отличались от кочевой. Россия как государство-цивилизация предлагала новый вариант общественного развития в конкретно-исторических условиях, который был отвергнут частью политически влиятельных султанов, не желавших неизбежных изменений и утраты собственного влияния и экономических источников.

За счет чего существовали представители казахской знати? Налоговая система как один из обязательных атрибутов государственности у казахов не сложилась ввиду отсутствия самого государства. Жалованье за службу государству не выплачивалось, так как не существовало самих институтов государства и их органов власти. Конечно, были добровольные подношения ханам, влиятельным султанам и батырам со стороны биев и рядовых кочевников — шаруа. Главным источником материальных благ для всех казахских родов и социальных групп до окончательного вхождения в состав Российской империи являлся скот, пастбища, торговля, а для влиятельных султанов и ханов еще и зякет (налог, прежде всего скотом, обычно в виде добровольных подношений), реже ушур (налог на земледельцев зерном), пошлины с проходящих торговых караванов. Происходившие реформы первоначально учитывали некоторые вековые традиции казахов. Например, «Устав о сибирских киргизах» сохранял добровольные подношения султанам. Так, в статье 130 говорилось, что «киргизы могут по нынешнему их обыкновению делать вспоможение своим султанам» с уведомлением окружного приказа [30, с. 423].

Торговля казахов с Россией, среднеазиатскими ханствами и Китаем также вовлекала в экономическое сотрудничество казахскую знать и простых шаруа. Казахи с удовольствием нанимались проводниками на караванные тропы, помощниками или вооруженными охранниками.

Благосостояние ханов и султанов пополнялось не только за счет участия в торговых отношениях. Излюбленной статьей доходов казахской знати были пошлины с торговых караванов за проход по их территориям и охрану. По словам барона Услара, последний хан Среднего жуза Вали-хан Абылайханов «нисколько и не думал о сохранении порядка в степи, а заботился только о сборе пошлин с проходивших караванов, которые случилось ему подчас и грабить, если он бывал недоволен подарками, подносимыми ему караван-баши» [40, с. 147—148]. Автор отмечал, что никто не слушался хана, который имел средства чинить суд и расправу только в аулах, с ним кочевавших.

Слабость института ханской власти отмечал М. М. Сперанский, занимавший в 1819—1821 гг. пост губернатора Сибири, указывая за счет каких средств ханы улучшали свое материальное благосостояние: «...не имея ни действительной силы, ни уважения в Орде, не могли в ней ввести порядка, и сами жили барантою (угоны скота), а нередко и участием в разбоях» [36, л. 3—9].

Отправной точкой начала противостояния Касымовых новому административному устройству считается начало реализации в 1824 г. «Устава о сибирских киргизах» и «Устава о оренбургских киргизах» для Среднего и Младшего жузов соответственно. Новые правовые основы стали началом первых по-настоящему серьезных преобразований. Для Степи и России открывалась другая страница цивилизационного взаимодействия, порождая совершенно новые формы сотрудничества во всех сферах жизни. Ход исторического развития казахского кочевого общества приобретал новый смысл. В политической сфере важным шагом стала ликвидация номинальной ханской власти, в жузах возникали ситуации, когда в разных их частях существовало одновременно по несколько ханов, желанный титул превратился в предмет продолжительных междоусобиц. Не имея устоявшейся государственности как организующего начала, сохраниться в тех условиях у ханской власти не было шансов, хотя данный титул оставался престижным и являлся желанным для многих султанов.

По разным причинам потомок хана Аблая Касым Абылайханов и его сыновья не получили должностей в учреждаемых административных органах. Касым рассматривал проводимые реформы как покушение на свои традиционные права и угрозу своему политическому и экономическому влиянию. О его решительности противостоять введению внешних округов говорят его воинственные заявления, которые вскоре были подкреплены реальными действиями. В сентябре 1824 г. султан Касым Абылайханов, недовольный основанием Кокчетавского и Каркаралинского приказов, задержанием Габайдуллы Валиханова и принятием частью казахов присяги на подданство России, обратился с письмом к западносибирскому губернатору П. М. Капцевичу с требованием уничтожить приказы и прекратить «притеснения» казахов: «...если же не будет здесь уничтожено строение и не перестанут чиниться киргизам вред, то в таком случае на нас не разневайтесь, если же с вашей стороны произойдут военные действия, то и мы по возможности своей глядеть не будем и не в состоянии терпеть чинимого от России в пределах наших народам вреда» [20, с. 215—216].

Первое документально зафиксированное нападение сына Касыма султана Саржана на казахов султана Али Кокшанова, вошедших в состав новообразованных внешних округов, отмечено 21 сентября 1824 г. Добычей нападавших стало имущество пророссийского султана и скот [7, л. 295]. Другой документ примерно того же времени фиксирует, что Саржан с Сортаем «начали грабить торговцев и приняли решительное намерение разрушить вновь образованное управление. Товарищ его, Саржан, с многочисленною толпою входил в оба округа: в Кокчетавский и Каркаралинский и обольщениями и угрозами увел за собой целые аулы и даже волости» [37, л. 24—25].

В 1825—1826 гг. Саржан вновь ведет активные действия, занимая караванные пути, взимая сборы с торговцев, склоняя волости к присоединению к себе. Активные действия властей, при поддержке казахских султанов, присягнувших на верность России, вынудили Саржана пойти на временное примирение с российскими властями вплоть до 1831 г. Главные материальные поступления для Касымовых в начале восстания приходились на торговые пути, имущество и скот казахов и султанов, принявших присягу и нежелающих откочевывать с ними, а также на добровольный или принудительный сбор зякета.

Необходимо отметить, что большая часть населения казахских Младшего и Среднего жузов, как знати, так и рядовых кочевников-шаруа, мирно воспринявшая происшедшие кардинальные цивилизационные изменения, оказалась в сложном положении. Это выражалось в их прямом или косвенном вовлечении в восстание Касымовых. Отказ поддержать восставших грозил им разгромом со стороны Касымовых, переход на сторону мятежников угрожал преследованиями, контрибуциями со стороны русских властей. Сохранялось сильное политическое и экономическое влияние Коканда, Хивы, Бухары, видевших в части казахов своих данников, а порой и Цинского Китая. Возникали ситуации, когда казахи оказывались в ситуации двойного и даже тройного налогового давления. Поступившие в подданство России вынуждены были платить налог официальным властям, восставшим султанам и кокандским сборщикам. Данная ситуация сохранялась местами вплоть до 70-х гг. XIX в. и окончательно исчезла после прочного утверждения присутствия России на всей территории казахских жузов и ликвидации независимости среднеазиатских ханов.

«Устав о сибирских киргизах» и «Устав о оренбургских киргизах» предусматривали мягкую систему налогов. Казахи бывшего Среднего жуза на первые 5 лет вообще освобождались от их уплаты. В дальнейшем выплачивался натуральный налог — 1 голова скота со ста. В 1837 г. в Младшем жузе был введен единый кибиточный налог в размере 1 руб. 50 коп. сер. с каждой кибитки. По сведениям Е. Б. Бекмаханова, власти вводили дополнительные фискальные сборы, например, за кочевку в прилинейных территориях. За лошадь платили 9 коп., за голову крупного рогатого скота 6 коп., за овцу 3 коп. [5, с. 133]. В сравнении с налоговым бременем крестьян и мещан в России новые подданные царя платили практически символический налог.

Для сравнения стоит указать размер зякета, взимавшегося сторонниками Кенесары со скотоводов, торговцев, и ушура, взимавшегося с земледельцев. Е. Б. Бекмаханов упоминает о том, что кроме вышеуказанных налогов сторонники Касымовых взимали еще поаульный налог, многочисленные экстраординарные сборы и добровольные подношения. Последние порой превосходили размеры зякета. Необходимо отметить, что к классическому зякету в мусульманском мире эти налоговые сборы — добровольные или принудительные — не имели отношения.

Е. Б. Бекмаханов приводит следующие размеры зякета. Со стада (не уточняется мелкий или крупный скот, т.е. лошади, коровы, верблюды) до 40 голов зякет не взимался, от 40 до 100 голов — 1 голова скота, далее с каждых 40 голов скота по 1 голове. Зякет также взимался одеждой, оружием, конским снаряжением. Поаульный налог составлял 1 лошадь и халат с аула. Размер земледельческого налога ушура составлял 1/13 часть урожая [5, с. 287—288].

Большой проблемой в первые десятилетия были нарушения со стороны новых чиновников при сборе налогов. Точно выразила суть проблемы Ю. А. Лысенко: «Весь сбор налогов был отдан на откуп чиновникам системы местного самоуправления: султанам-правителям, аульным и дистаночным начальникам в Младшем, волостным правителям — в Среднем жузе. Бесконтрольность со стороны российских органов власти за их

деятельностью порождала вопиющие злоупотребления в процессе сбора налогов» [22, с. 177—178]. Потребовалось длительное время, чтобы новая налоговая система прижилась в традиционном обществе и была правильно отлажена. Злоупотребления со стороны новой местной администрации были питательной средой для антиправительственных выступлений. Например, одной из причин восстания Исатая Тайманова в Букеевской Орде стали злоупотребления новых чиновников-казахов с налогами, основное бремя которых ложилось на обычных шаруа.

С весны 1831 г. Касымовы вновь начали активные действия. Весной 1831 г. Саржан Касымов собрал зякет с волостей, принявших присягу на верность России, опираясь в этот раз на кокандского правителя. Ташкентский кушбеги Ляшкар даровал Касыму и Саржану право сбора налогов с части казахов, кочевавших в кокандских владениях.

Усиление России в казахских жузах отрицательно воспринималось среднеазиатскими правителями. Представители казахской знати, враждебно настроенные к России, пользовались поддержкой Коканда, Хивы, Бухары. Необходимо отметить, что на разных этапах восстания Касымовы пользовались значительной поддержкой среднеазиатских государств, получая военную помощь, припасы, кочевки, убежище от военных поисков русских отрядов. Так, с 1831 по 1836 г. территория Кокандского ханства стала фактически базой для Касымовых. Правители Хивы и Коканда использовали казахов в многочисленных взаимных войнах и в противостоянии с расширением Российской империи. Потеряв опору в Коканде, Кенесары обращался за поддержкой в Хиву. Например, сохранились сведения о том, что Кенесары в конце 1840 г. отправил к хивинскому хану Аллакулу одного из сыновей с просьбой предоставить ему кочевья на хивинской территории [41, л. 25 об.]. Аллакул в условиях неудачно предпринятого Перовским похода против Хивы не был склонен обострять отношения с Россией, не принял Кенесары и не оказал ему материальной поддержки.

В 1842 г. Кенесары уже участвовал в войне на стороне бухарского эмира против Коканда и Хивы. В дальнейшем султан вновь пошел на примирение с Хивой. Главной причиной этого была заинтересованность Кенесары в рынках Хивы для продажи скота и закупки провианта. Султан обращался к хивинскому хану Рахимкулу с просьбами о предоставлении ему 2 пушек и 200 шамхалов (ружей) для отражения русских отрядов [27, л. 150].

В своей политике Кенесары лавировал между Хивой и Бухарой, так же как между Омском и Оренбургом. Среднеазиатские владетели стремились привлечь султана в качестве военной опоры, обещая кочевья, признавая его ханский титул, помогая оружием, продовольствием, предоставляя право сбора зякета. Дипломатия султана сменялась военными действиями. Летом 1842 г. он выступил на стороне бухарского эмира, воюя против хивинцев. Это не помешало султану и хану Рахимкулу в 1844 г. начать переговоры о кочевьях для султана.

Основным источником пополнения материальных ресурсов восстания в 1831 г., кроме зякета, стали угон скота (барымта), сборы с караванов, реквизиция имущества неправительственных казахов, торговля скотом. Об этом свидетельствуют архивные документы, датированные 1831 г., где перечислен 31 иск на Саржана Касымова за барымту, грабежи имущества, сборы или разорение караванов [7, л. 294—296 об.]. 18 исков купцов или их приказчиков касались нападений и сборов с караванов, другие — угона скота и утраты имущества. В современной казахстанской историографии деятельность Саржана называют сбором пошлин [18, с. 332].

Заметим, что торговые караваны не всегда подвергались разграблению, гораздо выгоднее был систематический сбор пошлин с них. Важность этого экономического инстру-

мента прекрасно понимали лидеры восстания. По данным Е. Б. Бекмаханова, с каждого торгового каравана взимался зякет в сумме 1/9 части с коша (артели) [5, с. 278]. Зякет мог взиматься скотом (лошади, верблюды, овцы), вещами, товарами, а также деньгами. Размер зякета значительно увеличивался, если в караванах присутствовали казахи, не признававшие власть Кенесары, враждовавшие с ним или считавшиеся верными русскому правительству. Наоборот, если караван состоял из представителей лояльно настроенных к Кенесары родов или бухарских, хивинских представителей, в торговле с которыми Кенесары был заинтересован, то зякет мог быть легким или вообще не взимался. Восставшие были заинтересованы в торговле, продавая огромное количество скота и приобретая нужные товары, продовольствие, оружие, в том числе на рынках Хивы и Бухары. Вели торговлю с аулами сторонников Кенесары и купцы, подданные Российской империи.

Весной 1832 г. из Каркаралинского внешнего округа люди Саржана угнали табун в 2000 лошадей [9, л. 56 об. — 57]. 1833—1836 годы, теснимые воинскими отрядами, Касымовы провели в основном в пределах Кокандского ханства, не проявляя большой активности против России. Саржан Касымов тесно сблизился в этот период с ташкентским кушбеги Ляшкарком. Главным содержанием данного периода стало их участие в неудачных попытках Коканда остановить продвижение России в глубь Средней Азии. Это выражалось в строительстве кокандских крепостей в глубине казахских степей, но попытки не увенчались успехом — крепости были блокированы русскими отрядами и затем срыты руками самих оборонявшихся. Эта неудача, как считают историки, охладила отношения кушбеги и Саржана.

Будущий лидер восстания султан Кенесары Касымов, младший брат Саржана, упоминается впервые в имеющихся в распоряжении документах за октябрь 1828 г. В них идет речь о захвате продовольствия у казахов караульской волости и убийстве линейного казака [44, л. 20—20 об.]. После убийства Саржана ташкентским кушбеги в 1836 г. Кенесары возглавил восстание, которое приняло большой размах и сильно повлияло на будущий расклад сил в пользу России не только в казахских жузах, но и во всей Средней Азии.

Летом 1836 г. Касымовы перекочевали из кокандских пределов в Средний жуз к горам Улу-Тау. Весной 1837 г. они появились в пределах Акмолинского округа. За счет чего в этот период шло обеспечение потребностей восставших? Архивные документы говорят следующее. Осенью 1837 г. набегам султана подвергались волости внешних округов Среднего жуза. Из аулов Таминской и Кондратовской волостей Акмолинского округа кенесаринцы угнали 2225 лошадей, 363 верблюда, 227 голов крупного рогатого скота, более 9 тыс. овец, 9 защищавших свое имущество казахов были убиты [8, л. 14—14 об.].

В декабре 1837 г. произошло нападение на отряд хорунжего Рытова из 54 человек, прикрывавшего торговые коммуникации. В тяжелом бою погибло 27 казаков [12, л. 3—4 об., 6 об.].

Кенесары угрожал среднеазиатской торговле России, о чем свидетельствуют донесения чиновников западносибирской администрации в Санкт-Петербург за март 1838 г. [35, л. 10—11 об.]. В документе перечислялись грабежи торговых караванов, убийство толмача, беспорядки, спровоцированные Кенесары в Акмолинском приказе, принуждение к выходу волостей из подчинения России. Купцы перестали отправлять большие партии товаров для заграничной торговли, опасаясь нападения кенесаринцев. Некоторые не смогли выплатить кредиты, предоставленные им московским купечеством [11, л. 7]. Подобная ситуация ставила перед оренбургской и западносибирской администрациями вопрос о подавлении восстания, угрожавшего интересам России. Как мы видим из документов, главной целью нападений был угон скота и торговые коммуникации.

Восстание оказывало серьезное воздействие на умонастроения казахской знати, принявшей присягу и новое устройство. Они обоснованно опасались за свою жизнь и имущество, лавируя между российскими властями, пока не обеспечившими им безопасность, и султаном, имевшим большую мобильность и возможность вести борьбу против России. Часть казахской знати находилась в родственных отношениях с султаном и не желала участвовать в открытом конфликте с ним. В архивных документах сохранились многочисленные свидетельства, когда отрядам, выдвигавшимся с линии для преследования людей султана, номинально считавшиеся преданными России бии и султаны отказывались продавать скот, предоставлять проводников и сведения о кенесаринцах, заваливали колодцы с водой, выжигали траву в степи.

Западносибирский генерал-губернатор П. Д. Горчаков прекрасно понимал эту ситуацию и не скрывал своих сомнений в верности многих султанов, биев, старшин, принявших присягу: «Большая часть, если не все старшие султаны, главных в округах начальников доброжелательствовали, скрывали от приказов полученные сведения или сообщали нелепости и не только не содействовали к задержке его эмиссаров, но под рукою сносились с мятежниками и даже посылали ему подарки» [13, л. 3]. Горчаков постоянно подчеркивал, что невозможно добиться доверия казахов, не устранив первопричину — угрозу в лице султана Кенесары.

Удачной вылазкой для Кенесары стало нападение 26 мая 1837 г. на Акмолинский приказ, которым руководил его злейший враг старший султан Акмолинского округа Кунуркульджа Худаймендин. Нападавшим удалось завладеть огромными ресурсами в виде скота и имущества: есаул Чириков понес ущерб более чем на 38 тыс. руб., жители приказа — более чем на 18 тыс. руб. [43, л. 3; 10, л. 33—37].

Часто люди султана совершали ночные нападения на казачьи пикеты для захвата оружия и пленных, которые находились на большом расстоянии — в 30—40 верстах друг от друга. Набегам подвергались продовольственные обозы, топографы, крестьяне. Например, 1—2 июля 1838 г. при попытке захватить транспорт с продовольствием, шедший в Актау, было отбито 180 лошадей, следующих с обозом [42, л. 32—32 об.]. Жестоко расправились восставшие с десятью крестьянами Тобольской губернии, направлявшимися из Акмолинского приказа в Петропавловск. Ни в чем не повинные люди были изрублены, имущество разграблено. Об этом свидетельствует один из документов от июня 1838 г. [42, л. 122—122 об.].

Появление топографов в степи воспринималось казахами крайне негативно. Кенесары заявлял, что это делается для открытия новых приказов и лишения казахов мест для кочевания.

Наиболее успешной акцией кенесаринцев, зафиксированной в документах, был угон в конце сентября 1838 г. крупных табунов лошадей у К. Худаймендина и его людей. Кунуркульджа заявил об ущербе более чем на 865 тыс. руб. [43, л. 53]. Даже ассигнациями это была запредельная сумма. Параллельно отец султана Касым перехватил торговый караван, шедший из г. Троицка в г. Бухару, взыскав с купцов 6 тыс. рублей отступных [24, л. 43].

Несмотря на это, власти сохраняли контроль над торговыми путями, обеспечили сбор налогов (ясака) с подведомственных казахов, вернули в места традиционных кочевок колебавшиеся в верности волости. Горчаков сообщал в Санкт-Петербург, что за 1838 г. в результате беспорядков людьми султана было убито 26 человек, отбито у линейных казаков и воинских транспортов более 900 лошадей, считая потери незначительными [11, л. 20 об.]. Нанесенный урон торговле и жителям новых округов, включая казахов, был несоизмеримо больше.

В 1839 г. Кенесары совершил несколько крупных набегов. В марте разграбил более 250 богатейших кибиток бия усунь-кипчакского рода Балгожи Янгурчина за участие его людей в военных действиях против восставших. Размеры ущерба составили более 329 тыс. руб. [24, л. 151—151 об.]. В апреле набегам подверглись казахи Аман-Карагайского округа и были взяты отступные с торговцев [25, л. 1—1 об.]. В июле была разграблена Бабасань-Багышевская волость за отказ откочевать к султану. По ходатайству П. Д. Горчакова пострадавший султан волости Абулхаир Габбасов, не поддавшийся на уговоры Кенесары откочевать с ним и изменить присяге, был освобожден на 25 лет от всех сборов и награжден золотой медалью. Он и его пострадавшие люди получили 250 верблюдов и 200 лошадей [14, л. 3—3 об.]. Власти неоднократно компенсировали оставшимся верным присяге казахам понесенный ими ущерб от набегов. Хотя известны и курьезные случаи, не связанные с нападениями Кенесары. Купец Пакулев обращался в западносибирскую администрацию с просьбой о компенсации за разграбленную партию муки людьми султана и угнанные телеги на сумму более 8 тыс. руб. [45, л. 4—3 об.]. Власти отказали в иске купцу, сославшись на недостаточность фактов. Некоторые казахи также грешили подобными заявлениями русским властям об угонах скота людьми султана, прося компенсации скотом и освобождения от налогов.

1840 г. складывался для Кенесары неудачно. С мая по сентябрь западносибирские власти вели активную борьбу с его приверженцами, значительно сузив социальную базу восстания. Кроме того, летом 1840 г. в Коканде был убит его отец султан Касым Абылайханов. Это заставило Кенесары возобновить переписку с западносибирской и оренбургской администрациями, в которой он раскаивался в прошлых поступках и просил о даровании ему прощения от императора.

Необходимо отметить серьезные противоречия, обозначившиеся в подходах к восстанию, между оренбургским военным губернатором В. А. Перовским и П. Д. Горчаковым. Кенесары искусно играл на этих противоречиях, используя их в своих интересах. Им велась активная переписка с оренбургскими властями, в которой он постоянно указывал на верность властям и «незаслуженные» притеснения со стороны Омска. Гонения на себя он объяснял клеветой на него враждебных ему султанов Среднего жуза. В. А. Перовский и Г. Ф. Генс фактически выступили покровителями султана, считая его неоправданно подвергающимся гонениям со стороны западносибирских властей. Кенесары грамотно использовал этот расклад, неоднократно уходя от преследования сибирских отрядов на территорию Младшего жуза, где переживал опасность.

Проникновение сибирских отрядов в пределы, подведомственные Оренбургу, вызвало резкую полемику в переписке властей Оренбурга и Омска. Это осложнялось тем, что четких административных границ между губерниями не было. Горчаков считал все переговоры и уверения Кенесары о мире и дружбе не более как уловкой, позволявшей затягивать восстание и беспорядки, большинство которых затрагивали территорию Среднего жуза. Несмотря на это, Перовскому удалось убедить министров и императора Николая I высочайше даровать в мае 1841 г. амнистию для султана. Безусловно, это была дипломатическая победа Кенесары, сумевшего сыграть на противоречиях губернаторов, добиться амнистии, получить длительную передышку, чтобы вновь начать борьбу за влияние. Преследования султана со стороны Омска прекратились на 2 года.

Относительно стабильной ситуация оставалась около 8 месяцев. Но уже в январе 1842 г. бухарский купец Курманбай Ниязов, проживавший в Петропавловске, заявил русским властям о нападении и разграблении его каравана у кокандской крепости Сузак во время следования в Петропавловск. Ниязов указывал, что грабеж совершили люди Кенесары [29, л. 3]. Торговые пути вновь оказались под ударом.

В марте 1842 г. племянник Кенесары Ерджан Саржанов угнал скот у казахов темешевской волости [38, с. 45]. В 1842 г. на территории Среднего жуза люди Кенесары вновь возобновили барымту, нападения на казачьи пикеты, топографов. К концу 1842 г. налетах подверглись казахи Акмолинского и Кокчетавского округов. Абсурдность положения заключалась в том, что султан считался амнистированным и начинать боевые действия против него без разрешения Санкт-Петербурга было нельзя. Горчаков систематически сообщал в столицу о положении дел и просил разрешения возобновить боевые действия против султана, предлагая учредить в глубине его традиционных кочевий новые крепости. Без этого борьба с Кенесары не имела смысла, султан всегда легко уходил от преследований. Огромные расстояния в степи без постоянных опорных пунктов делали все воинские поиски против султана и его людей малорезультативными.

Выгодная для султана ситуация сохранялась до лета 1843 г., когда по разрешению Санкт-Петербурга вновь возобновились воинские поиски. Последней каплей стало нападение, угон скота и убийство нескольких верных правительству казахов япасского (жаппаского) рода людьми Кенесары в марте 1843 г. Причиной конфликта стал отказ в выплате зякета султану [26, л. 34]. Весной 1843 г. кенесаринцами был разграблен караван бухарского купца Искандера Бабажанова, шедший из Ташкента [25, л. 82]. В конце июня 1843 г. Кенесары ударил по аулам чиклинского рода, разграбив имущество. В ходе нападения было убито 17 человек, пленено 15 женщин. В июле кенесаринцы совершили рейд по волостям Аман-Карагайского окружного приказа, угнав более 1600 лошадей у проправительственных казахов [26, л. 90, 128]. 16 и 21 июля нападениям вновь подверглись чиклинцы и джагалбайлинцы. У первых было отогнано 150, у вторых 709 лошадей. Не прекращался сбор зякета с казахских волостей [39, с. 167].

1844 г. прошел по аналогичному сценарию. Материальная база восстания пополнялась в основном за счет тех же источников. Приведем лишь некоторые зафиксированные документально факты:

- 13 июня разбито 68 аулов (381 кибитка) япасского рода, угнано 2998 лошадей, 854 верблюда, 102 коровы, 1056 овец у биев Янгоджы Янгурчина и Елемеса Клычебаева. Материальный ущерб составил более 151 тыс. руб. ассигнациями;

- 19 июня угнано 233 лошади у представителя аргынского рода Кубека Таныбаева [35, л. 343 об. — 344];

- 14 августа 1844 г. мятежники напали на станицу Екатерининскую Оренбургской губернии. В плену оказались 11 казаков, 9 женщин, 9 подростков и несколько казаков из пикетов, захвачено огромное количество скота и имущества [16, л. 2 об. — 3].

Сборы зякета не всегда проходили гладко для людей Кенесары и вызывали конфликты. Достаточно известен конфликт между зякетчиками Кенесары во главе с султаном Наурузбаем и япасским родом, имевший место 21 сентября 1844 г. Япасцы возмутились большим, по их мнению, размером зякета в виде скота и имущества, а также заносчивым поведением зякетчиков. Поводом к столкновению стало убийство япасцами своего родственника Байтабына Дербишева, служившего у Кенесары, за отнятие им жены у одного из япасцев. В ходе боя Наурузбай, спасшийся бегством, потерял убитыми 97 своих людей [27, л. 122, 138, 139].

Размеры собираемого Кенесары зякета, вероятно, были немалыми. Так, в 1845 г. султан заявлял, что его признали ханом и платили зякет 32 рода [28, л. 139—140 об.]. Кенесары использовал различные методы для пополнения материальной базы восстания. Периодически его сторонники распространяли слухи об амнистии султана и даровании ему права сбора зякета российскими властями. Под этой легендой производился сбор

звякета даже вблизи приказов. В 1844 г. султан вновь пошел на переговоры с властями, но затем отправил переговорщиков обратно.

Смена в 1842 г. В. А. Перовского на нового военного губернатора В. А. Обручева привела к постепенному сближению позиций Омска и Оренбурга в отношении восстания. К 1845 г. оба губернатора были полностью солидарны — подавление восстания возможно только при четком взаимодействии и возведении укреплений в глубине Степи.

В мае 1845 г., мстя за погибших людей Наурузбая, Кенесары вновь напал на япасцев. 1845 г. стал переломным для Кенесары. Летом и осенью 1845 г. активность его отрядов значительно снизилась, осенью он отошел к реке Чу, совершив несколько нападений на кокандские укрепления. Причиной ухода Кенесары на юг явилось возведение русским правительством укреплений на реках Иргиз (Уральское) и Тургай (Оренбургское). В эти укрепления, ставшие затем крупными населенными пунктами, переселялись казаки Сибирского линейного казачьего войска с семьями. Только тактика выдавливания Кенесары с помощью строительства укреплений принесла успех и положила конец ситуации, напоминавшей некое двоевластие в жузах.

В современной казахстанской историографии восстание Кенесары характеризуется в основном односторонне, как антиколониальное, антиимперское, как борьба за сохранение казахской государственности, отсрочившая включение казахских жузов в состав Российской империи. Как ни парадоксально, но восстание в тех исторических условиях только способствовало ускорению продвижения России в глубь Средней Азии, явилось катализатором ее активной политики: строительство новых крепостей, усиление контактов со Старшим жузом, киргизскими манапами и среднеазиатскими ханствами стало прямым следствием восстания. Султаны Старшего жуза не оказали поддержку Кенесары, связав свое будущее с Россией.

После возведения новых укреплений ситуация в Младшем и Среднем жузах к 1846 г. кардинально изменилась — сбор звякета, угоны скота у казахских волостей, вошедших в состав новых административных единиц, прекратились, торговые пути перешли под защиту новых опорных пунктов. Кенесары утратил социальную и экономическую базу, теперь его планы были связаны с противостоянием Коканду и возможностью утверждения в Старшем жузе и среди алатаусских киргизов. Он обратился к ним с призывами вести совместную борьбу с Кокандом, признать его ханом и выплатить звякет. Влиятельные киргизские манапы отвергли притязания Кенесары, не собираясь уступать власть и признавать представителя Среднего жуза своим ханом. Не оказали поддержку Кенесары, несмотря на его многочисленные призывы, и казахи Старшего жуза, подтвердившие верность России. С конца 1845 г. начались столкновения между киргизами и казахами, которые продолжались вплоть до апреля 1847 г., сопровождаясь жестокостью с обеих сторон, попытками собрать звякет, разгромами аулов и айлов [17, л. 71 об. — 72]. Действия Кенесары только ожесточили киргизов, решивших воевать до полного уничтожения султана и его сторонников.

Строительство новых военных укреплений в Младшем и Среднем жузах и, как следствие, вытеснение султана из мест традиционных кочевий и путей контроля торговых караванов, отсутствие поддержки в Старшем жузе и среди киргизских манапов привели султана к изоляции и подорвали экономическую базу восстания. Не желая втягиваться в противостояние на стороне Кенесары, некоторые представители родовой знати Старшего жуза — 11 султанов, 27 биев и старшин, 1 мулла дулатовского, адбановского, суановского, чапраштинского, джалаирского родов — 23 июня 1846 г. подтвердили присягу на верность России [18, с. 317]. Они выразили негативное отношение к султану и обещали

не оказывать ему помощи, не поддерживать с ним отношений, не предоставлять ему мест для кочевьев, содействовать в его поимке.

Вступив в конфликт с киргизскими племенами, Кенесары предпринял последнюю неудачную попытку борьбы за власть, его силы были разбиты в середине апреля 1847 г. к востоку от крепости Токмак, попав в окружение в местности Май-Тюбе, в горах Келкы, недалеко от реки Чу. Кенесары и его ближайшие сподвижники были казнены. Об этом событии и казни Кенесары подробно изложено в рапорте пограничного начальника Сибирских киргизов генерал-майора Вишневого от 27 апреля 1847 г. за исх. № 796 на имя Горчакова [15, л. 20 об. — 23]. Гибель султана, лишённого поддержки и ресурсов, поставила точку в самом продолжительном восстании, переросшем на заключительном этапе в войну с киргизами.

Заключение

Исходя из анализа имеющихся архивных неопубликованных и опубликованных документов, литературы, следует выделить следующие экономические источники восстания:

1. Скот, находившийся в личной собственности султана и его приверженцев и составлявший главное богатство и имущество для кочевников. Лишение скота в результате джутов (бескормицы), эпидемий, угона, военных действий было страшным бедствием, приводило к разорению и утрате социального статуса у казахов.

2. Традиционные места летних и зимних кочевков. Их утрата привела к уходу Касымовых на юг Средней Азии на территории Старшего жуза, киргизских манапов и среднеазиатских государств.

3. Контроль над торговыми караванными путями для сбора пошлин с караванов. В зависимости от политической ситуации эти пошлины увеличивались до крупных сумм или осуществлялся грабёж торговых караванов, что приводило к разорению купцов и ставило под угрозу само ведение торговли, затрагивая интересы даже столичного купечества России.

4. Барымта — угон всех видов скота, прежде всего у казахов, принявших российское подданство, или по причине междоусобиц. Скот был самой лучшей валютой, его всегда можно было с выгодой реализовать для закупки других товаров, продовольствия, вооружений.

5. Взимание зякета и реже ушура с казахов, как признававших на определенных этапах власть Касымовых, так и сохранявших лояльность русским властям. Большинство казахов были в сложной ситуации вплоть до вытеснения Кенесары за пределы Младшего и Среднего жузов. Отказ выплатить зякет Кенесары неминуемо приводил к разграблению и угону скота, поэтому безопаснее было его заплатить. Заметим, что часть родов, признававших Кенесары ханом, добровольно платили ему зякет. Параллельно необходимо было выплачивать налог (ясак), хотя и небольшой, в царскую казну. Не упускали возможность собрать налоги с казахов и среднеазиатские государства Коканд, Хива, Бухара.

Небольшое число казахов-егиншей, занимавшихся земледелием, платили ушур мукой, продуктами. Об этом ярко написано в воспоминаниях барона Услара.

6. Опора на экономические возможности среднеазиатских государств Коканда, Хивы, Бухары. Касымовым на разных этапах предоставлялись ресурсы среднеазиатских государств: оружие, порох, свинец, одежда, продовольствие, кочевья, а также право взимать зякет с казахов, кочующих в пределах их владений. Касымовы рассматривались ими как инструмент для борьбы в междоусобных войнах и противовес Российской империи.

7. Участие в торговых операциях, торговля с другими казахскими родами, на военных линиях с жителями, с купцами и их представителями в Степи, со среднеазиатскими ханствами. В документах неоднократно фиксировались закупки огромных партий муки

на рынках Оренбургской губернии для приверженцев султана через посредников в лице казахов. Это вызывало протест западносибирской администрации, считавшейся неприемлемым противником Кенесары.

8. Добыча, попадавшая в руки приверженцев султана в ходе боевых столкновений: скот, продовольствие, одежда, оружие и боеприпасы, пленные. Последние часто продавались на невольничьих рынках Хивы и приносили большой доход.

Восстание, начавшееся в 1824 г. по инициативе Касыма Абылайханова и продолженное его сыновьями Саржаном и Кенесары, было самым крупным среди других выступлений казахской знати первой половины XIX века в казахских жузах. Наиболее серьезным противником новых преобразований выступил Кенесары, сумев на протяжении длительного времени пользоваться поддержкой части казахской знати, на определенном этапе его семья вступала в союзные отношения с Кокандом. Умело использовал султан в своих интересах и разные подходы к восстанию администраций Оренбурга и Омска. Оренбургский военный губернатор генерал-лейтенант В. А. Перовский и председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Г. Ф. Генс придерживались политики мирного взаимодействия с султаном, считая действия Омска излишне жесткими.

На наш взгляд, восстание клана Касымовых было абсолютно закономерной и предсказуемой реакцией, так как проводимые реформы, вызвавшие цивилизационные изменения, вели к утрате их политической власти, традиционных источников экономических доходов в Среднем жузе. Одной из причин его продолжительности и крупного размаха среди прочих была мощная экономическая основа, без которой было невозможно успешно вести политическую борьбу, и ее утрата привела к неминуемому поражению.

Список источников

1. Асеев А. А. К вопросу о государственности в первой половине XVIII — первой половине XIX в. в казахских жузах // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 4—9.
2. Асеев А. А. Политика России в отношении восстания Кенесары Касымова 1837—1847 гг. (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.
3. Аубакирова Х. А. Учреждение Кокчетавского, Каркаралинского округов и восстание Саржана Касымова (1824—1836 гг.) // Вестник Карагандинского университета. Сер. История. Философия. 2021. Т. 104, № 4. С. 6—13. DOI: 10.31489/2021HPh4/6-13.
4. Аукинов А. А., Мухамадеева И. А. Кенесары хан — государь непризнанного государства // Наука и реальность. 2024. № 1 (17). С. 101—107.
5. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20—40-е годы XIX в. Алма-Ата : Казахское объединенное государственное издательство, 1947. 389 с.
6. Бобров Л. А. Военная организация казахских кочевников от Абулхаира до Кенесары (XVIII — первая половина XIX вв.) // Средневековые тюркско-татарские государства. Казань, 2015. № 7. С. 54—61.
7. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Ф-3. Оп. 12. Д. 17899.
8. ИАОО. Ф. Ф-3. Оп. 13. Д. 17708.
9. ИАОО. Ф. Ф-67. Оп. 1. Д. 248.
10. ИАОО. Ф. Ф-67. Оп. 1. Д. 369.
11. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 170.
12. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 171.
13. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 173.
14. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 191.
15. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 224.
16. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 228.
17. ИАОО. Ф. Ф-366. Оп. 1. Д. 230.
18. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. Т. 3. Алматы : Атамур, 2000. 768 с.
19. Кадырбаев А. Ш. Герой романа Жюль Верна — «Мятежный» хан казахских степей Кенесары // Вестник Евразийского национального университета им. Д. Н. Гумилева. Сер. Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2024. Т. 149, № 4. С. 88—102. DOI: 10.32523/2616-7255-2024-149-4-88-102.

20. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы) : сб. документов и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. 575 с.
21. Кусаинова Ж. Д. Историография национально-освободительного движения под предводительством Кенесары Касымова (1834—1847 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2000. 29 с.
22. Лысенко Ю. А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 176—183.
23. Моисеев В. А. К вопросу государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Россия — Казахстан: современные мифы и историческая реальность : сб. научных и публицистических статей. Барнаул, 2001. С. 69—78.
24. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 10, ч. 3. Д. 4875.
25. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10, ч. 3. Д. 4976.
26. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10, ч. 3. Д. 5410.
27. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10, ч. 3. Д. 5450.
28. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10, ч. 3. Д. 5575.
29. ОГАОО. Ф. Ф-222. Оп. 1. Д. 10.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 38 : 1822—1823. СПб. : Тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. № 29127.
31. Прохоров И. Р. Из истории Сибирского казачьего войска в Казахстане // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2023. Т. 46. С. 45—52.
32. Прохоров И. Р. История восстания Кенесары Касымова в документальном дискурсе // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 2 (142). С. 61—68. DOI: 10.14258/izvasu(2025)2-08.
33. Прохоров И. Р. Сибирское казачество в истории Оренбургского края // Двенадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 17—20 апр. 2024 г. : в 2 т. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2024. Т. 1. С. 42—45.
34. Прохоров И. Р. Участие сибирского казачества в обеспечении интересов России в Средней Азии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 69—77. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-10.
35. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Ф-38. Оп. 8. Д. 2.
36. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. Ф-1287. Оп. 6. Д. 825.
37. РГИА. Ф. Ф-1287. Оп. 6. Д. 826.
38. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 3 : 1841 год / сост. А. Г. Серебренников. Ташкент : Тип. шт. Туркестанского военного округа, 1912. [2], II, VI, 142 с.
39. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 4 : 1842 и 1843 года / сост. А. Г. Серебренников. Ташкент : Тип. шт. Туркестанского военного округа, 1914. [2], XIV, 231 с.
40. Услар П. К. Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки : журнал литературный, политический и ученый. 1848. Т. 60, № 10. С. 141—224.
41. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Ф-4. Оп. 1. Д. 1992.
42. ЦГА РК. Ф. Ф-338. Оп. 1. Д. 1.
43. ЦГА РК. Ф. Ф-338. Оп. 1. Д. 3.
44. ЦГА РК. Ф. Ф-338. Оп. 1. Д. 79.
45. ЦГА РК. Ф. Ф-338. Оп. 1. Д. 342.

References

1. Aseev A. A. K voprosu o gosudarstvennosti v pervoi polovine XVIII — pervoi polovine XIX v. v kazahskikh zhuzakh [On the issue of statehood in the first half of the 18th — first half of the 19th centuries in the Kazakh zhuzes]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik*, 2013, no. 4 (4), pp. 4—9. (In Russian)
2. Aseev A. A. *Politika Rossii v otnoshenii vosstaniya Kenesary Kasymova 1837—1847 gg. (regional'nyi aspekt): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Russia's policy towards the Kenesary Kasymov uprising of 1837—1847 (regional aspect). Abstr. Cand. Dis.]. Barnaul, 2004. 23 p. (In Russian)
3. Aubakirova Kh. A. Uchrezhdenie Kokchetavskogo, Karkaralinskogo okrugov i vosstanie Sarzhana Kasymova (1824—1836 gg.) [Establishment of the Kokshetau, Karkaraly districts and the uprising of Sarzhan Kasymov (1824—1836)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser. Istoriya. Filosofiya — Bulletin of the Karaganda University History. Philosophy Series*, 2021, vol. 104, no. 4, pp. 6—13. DOI: 10.31489/2021HPh4/6-13. (In Russian)

4. Aukenova A. A., Mukhamadeeva I. A. Kenesary khan — gosudar' nepriznannogo gosudarstva [Kenesary khan — governor of an unrecognized state]. *Nauka i real'nost' — Science & Reality*, 2024, no. 1 (17), pp. 101—107. (In Russian)
5. Bekmakhanov E. B. *Kazakhstan v 20—40-e gody XIX v.* [Kazakhstan in the 20—40s of the XIX century]. Alma-Ata, Kazakhskoe ob"edinennoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1947. 389 p. (In Russian)
6. Bobrov L. A. Voennaya organizatsiya kazakhskikh kochevnikov ot Abulkhaira do Kenesary (XVIII — pervaya polovina XIX vv.) [Military organization of Kazakh nomads from Abulkhair to Kenesary (18th — first half of the 19th centuries)]. *Srednevekovye tyurksko-tatarskie gosudarstva*, Kazan, 2015, no. 7, pp. 54—61. (In Russian)
7. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical Archives of the Omsk Region] (IAOO). F. F-3. Op. 12. D. 17899.
8. IAOO. F. F-3. Ìp. 13. D. 17708.
9. IAOO. F. F-67. Op. 1. D. 248.
10. IAOO. F. F-67. Op. 1. D. 369.
11. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 170.
12. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 171.
13. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 173.
14. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 191.
15. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 224.
16. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 228.
17. IAOO. F. F-366. Op. 1. D. 230.
18. *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei): v 5 t. T. 3* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In 5 vols. Vol. 3]. Almaty, Atamura Publ., 2000. 768 p. (In Russian)
19. Kadyrbaev A. Sh. Geroi romana Zhyulya Verna — “Myatezhnyi” khan kazakhskikh stepei Kenesary [The hero of the novel by Jules Verne is the “Rebellious” khan of the Kazakh steppes of Kenesary]. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. D. N. Gumileva. Ser. Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie — Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, 2024, vol. 149, no. 4, pp. 88—102. DOI: 10.32523/2616-7255-2024-149-4-88-102. (In Russian)
20. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII—XIX vekakh (1771—1867 gody): sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 18—19th centuries (1771—1867). Collect. of documents and materials]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1964. 575 p. (In Russian)
21. Kusainova Zh. D. *Istoriografiya natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova (1834—1847 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Historiography of the national liberation movement led by Kenesary Kasymov (1834—1847). Abstr. Cand. Dis.]. Almaty, 2000. 29 p. (In Russian)
22. Lysenko Yu. A. K voprosu o nalogovoi politike Rossiiskoi imperii v otnoshenii kazakhskogo obshchestva [On the issue of the Russian Empire fiscal policy in the Kazakh society]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2013, no. 4-2 (80), pp. 176—183. (In Russian)
23. Moiseev V. A. K voprosu gosudarstvennosti u kazakhov nakanune i v nachal'nyi period prisoedineniya Kazakhstana k Rossii [On the issue of Kazakh statehood on the eve and in the initial period of Kazakhstan's accession to Russia]. *Rossiya — Kazakhstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost': sb. nauchnykh i publitsisticheskikh statei* [Russia — Kazakhstan: modern myths and historical reality. Collect. of scientific and journalistic articles]. Barnaul, 2001, pp. 69—78. (In Russian)
24. *Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGAEO). F. F-6. Op. 10, part 3. D. 4875.
25. OGAEO. F. F-6. Op. 10, part 3. D. 4976.
26. OGAEO. F. F-6. Op. 10, part 3. D. 5410.
27. OGAEO. F. F-6. Op. 10, part 3. D. 5450.
28. OGAEO. F. F-6. Op. 10, part 3. D. 5575.
29. OGAEO. F. F-222. Op. 1. D. 10.
30. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 38: 1822—1823* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 1. Vol. 38: 1822—1823]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstvennoi E.I.V. kantselyarii Publ., 1830, no. 29127. (In Russian)
31. Prokhorov I. R. Iz istorii Sibirskogo kazach'ego voiska v Kazakhstane [From the History of the Siberian Cossack Army in Kazakhstan]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya — The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*, 2023, vol. 46, pp. 45—52. (In Russian)
32. Prokhorov I. R. Istoriya vosstaniya Kenesary Kasymova v dokumental'nom diskurse [History of Kenesary Kasymov's rebellion in the documentary discourse of the 19th century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2025, no. 2 (142), pp. 61—68. DOI: 10.14258/izvasu(2025)2-08. (In Russian)

33. Prokhorov I. R. Sibirskoe kazachestvo v istorii Orenburgskogo kraia [Siberian Cossacks in the History of the Orenburg Region]. *Dvenadsatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Orenburg, 17—20 apr. 2024 g.: v 2 t.* [The Twelfth Bolshakov Readings. The Orenburg Region as a Historical and Cultural Phenomenon. Proceed. of the Internat. sci. and pract. conf., Orenburg, Apr. 17—20, 2024. In 2 vols]. Orenburg, OGPU Publ., 2024, vol. 1, pp. 42—45. (In Russian)
34. Prokhorov I. R. Uchastie sibirskogo kazachestva v obespechenii interesov Rossii v Srednei Azii v pervoi polovine XIX v. [Siberian Cossacks' participation in ensuring Russia's interests in Central Asia in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2024, no. 2 (136), pp. 69—77. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-10. (In Russian)
35. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. F-38. Op. 8. D. 2.
36. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. F-1287. Op. 6. D. 825.
37. RGIA. F. F-1287. Op. 6. D. 826.
38. *Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraia. T. 3: 1841 god* [Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region. Vol. 3: 1841]. Tashkent, Tip. sht. Turkestanskogo voennogo okruga Publ., 1912. [2], II, VI, 142 p. (In Russian)
39. *Sbornik materialov dlya istorii zavoevaniya Turkestanskogo kraia. T. 4: 1842 i 1843 goda* [Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region. Vol. 4: 1842 and 1843]. Tashkent, Tip. sht. Turkestanskogo voennogo okruga Publ., 1914. [2], XIV, 231 p. (In Russian)
40. UsLAR P. K. Chetyre mesyatsa v Kirgizskoi stepi [Four months in the Kyrgyz steppe]. *Otechestvennye zapiski: zhurnal literaturnyi, politicheskii i uchenyi* [Otechestvennye Zapiski: A Literary, Political, and Scientific Journal], 1848, vol. 60, no. 10, pp. 141—224. (In Russian)
41. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan* [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan] (TsGA RK). F. F-4. Op. 1. D. 1992.
42. TsGA RK. F. F-338. Op. 1. D. 1.
43. TsGA RK. F. F-338. Op. 1. D. 3.
44. TsGA RK. F. F-338. Op. 1. D. 79.
45. TsGA RK. F. F-338. Op. 1. D. 342.

Информация об авторах

А. А. Асеев — кандидат исторических наук, доцент

С. С. Матренин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the authors

A. A. Aseev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

S. S. Matrenin — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025;
принята к публикации 20.02.2026

The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 24.11.2025;
accepted for publication 20.02.2026